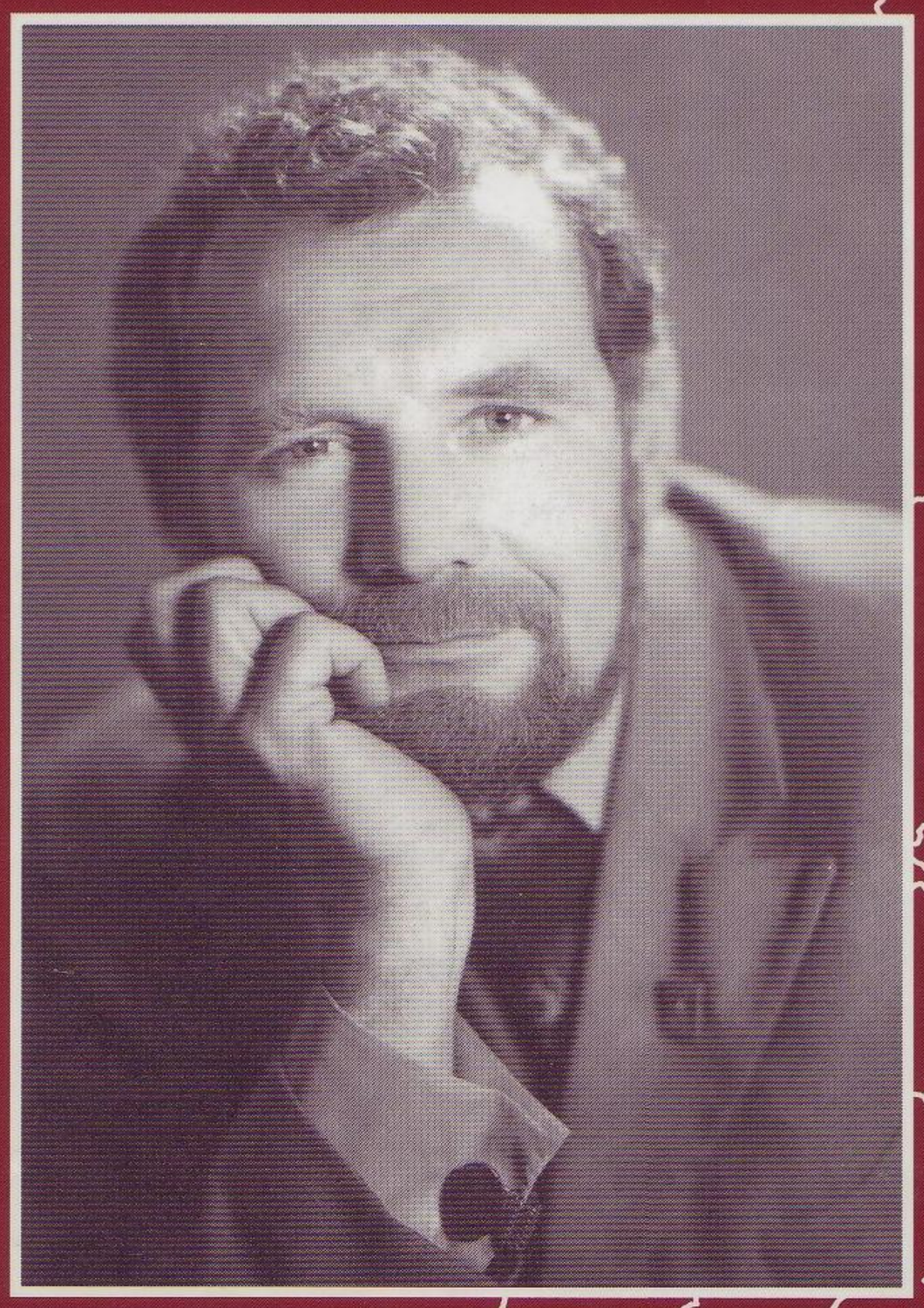
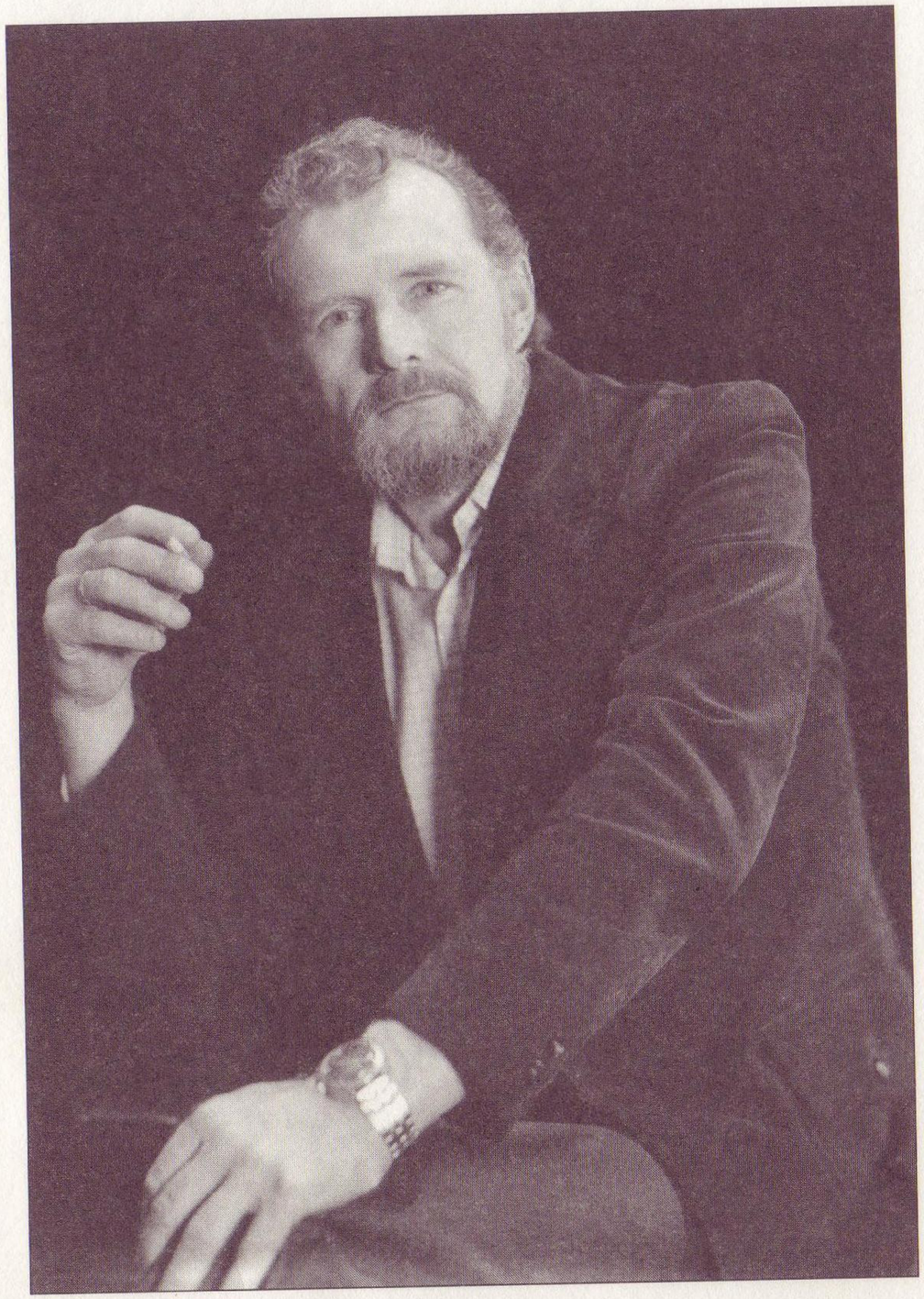
85.143(2)7
Н 19

Юрий Назаров

ИСПОВЕДЬ ХУДОЖНИКА

85.143(2)7
Н19

Библиотека «Новой книги»
Камчатские биографии

Юрий Назаров

ИСПОВЕДЬ ХУДОЖНИКА

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»
2013

КАМЧАТСКАЯ КРАЕВАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ С П КРАШЕНИННИКОВА
1200142
ИНВ №

УДК 882
ББК 84(2Рос–рус)6
Н19

Автор выражает искреннюю благодарность Министерству культуры Камчатского края, коллективу Камчатского театра драмы и комедии, Станиславу Петровичу Кожану, Александру Александровичу Смышляеву, Валерию Трофимовичу Кравченко, сыну Илье Юрьевичу Назарову за содействие и помощь в издании этой книги.

Назаров Ю. Н.

Н19 Исповедь художника — Петропавловск-Камчатский : Холд. комп. «Новая книга», 2013. — 384 с., 32 с. ил. (Библиотека «Новой книги». Камчатские биографии)

ISBN 978-5-87750-231-4

Художник, заслуженный работник культуры России Юрий Николаевич Назаров оформлял сцены многих театров тогдашнего Советского Союза, но сердце отдал театру на Камчатке и самой Камчатке. Заядлый охотник, рыбак, путешественник, друг вулканологов, он обошел многие уголки любимого полуострова, имея при себе не только принадлежности для работы художника, но и блокнот с авторучкой. Интересная жизнь интересно описана им в этой книге, в которую помимо мемуаров включены короткие рассказы и портретные зарисовки друзей и коллег автора.

ISBN 978-5-87750-231-4

© Назаров Ю. Н., 2013
© Холдинговая компания «Новая книга», 2013

«...И ПЛЫЛА ЗЕМЛЯ НА КРУГАХ СВОИХ, ТО БЫЛА МАЛЕНЬКАЯ ПЕСЧИНКА В БЕСКОНЕЧНЫХ ПРОСТОРАХ ВСЕЛЕННОЙ, НО ТОЛЬКО НА НЕЙ, НА ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ, ЖИЛИ-БЫЛИ ЛЮДИ».

Чингиз Айтматов
«И дольше века длится день»

Дочери Наталье, сыну Илье посвящаю

Часть первая

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Камчатка

(Можно любить Камчатку, но не любить её нельзя)

После очередной премьеры в Карагандинском театре мы, с Леонидом Карповичем Спасским, сидим у него на кухне, обсуждаем прошедший спектакль, разговариваем о проблемах искусства, театра и вообще – о житие. Над столом висит большая карта Советского Союза. Мы с ним успешные работники театра. Он заслуженный артист двух республик (Башкирской АССР и Казахской ССР), любимец зрителей, уважаемый человек в театре. Я не менее почитаемый человек в театре и городе – лауреат смотра театров Казахстана, любимец руководства театра, артистов, технических цехов. Но нам этого мало. Мы с ним романтики, любители природы, рыбалки, а я ещё и охотник с детства. И вдруг нам ударило в голову!

– Юра! Слушай, а давай напишем в какой-нибудь театр!

– Какой?

– А там где есть речка, лес, рыбалка – романтика!

– А давай, я повернусь вокруг себя с закрытыми глазами, ткну пальцем – куда попаду, туда и попросимся!

Я повернулся, ткнул пальцем в карту и, вдруг... мы начали хохотать!

– Ну, Юрка, ты и попал! Надо же! Вот где романтика! Тихий океан! Камчатка!

Мы вдоволь, до слёз, насмеявшись, задумались. И тут я вдруг вспомнил, что в Сызрани работали главным режиссёром Э. Н. Володарский и художник А. М. Давыдов, которые ранее работали в театре на Камчатке.

– Леонид Карпович! А ведь там есть театр в Петропавловске-на-Камчатке!

– А что думать, давай рискнём, напишем?

И мы тут же сочинили романтическое письмо со всеми нашими данными и заслугами и что мы любители природы, рыбалки, охоты и так далее. И отправили. Прошло несколько дней, вдруг приходит телеграмма: «Театру срочно нужен главный художник, труппа укомплектована, высылайте Ваши данные, фотографии декораций. Директор театра Горицков». А следом пришло письмо, где Георгий Иванович описал прелести Камчатки, отличную рыбалку, охоту, возможности сцены, театра и так далее. А в конце письма, что артисты театру не нужны, актёрский состав полностью укомплектован. Советуюсь со Спасским: «Как быть?»

– А что, Юра! Давай рискуй, а там, глядишь, и я понадоблюсь!

У меня был друг немец – Роман Тауберг, отличный фотограф. Мы с ним отпечатали фотографии эскизов декораций, костюмов. Я с письмом отправил их на Камчатку с условиями, которые меня бы устраивали для жизни и работы в театре. От моих коллег-артистов я узнал, что они знают Владимира Николаевича Панова – главного режиссёра камчатского театра, что он очень известный и прекрасный режиссёр, с которым многие хотели бы работать. Это меня ещё больше заинтриговало. А в скором времени пришла телеграмма: «Вы нас полностью устраиваете. Срочно вылетайте, гарантируем проезд, квартиру, подъёмные. Директор Горицков».

Это был ноябрь 1966 года. Я работал над спектаклем «Аристократы» Н. Погодина. Поэтому я не смог сразу вылететь. Да и на сборы дальние нужно было подготовиться, собрать вещи в контейнер, оформить соответствующие документы, а главное – выпустить спектакль, таково было условие руководства Карагандинского театра. Перед отъездом состоялись мои проводы. Накрыли шикарный стол. Были главный режиссёр – Р. С. Андриасян, директор театра – В. К. Борисов, художник театра – В. Я. Вильчинский, которого я рекомендовал занять моё место в театре, Спасские, мои родные. Директор произнёс тост! «Юра! Мы тебя отпускаем в длительную командировку с условием, что в течение трёх лет место главного художника будет твоим!» А в аэропорту меня провожали чуть ли не все работники театра, так меня любили в Карагандинском театре.

Наконец, после длительного полёта-путешествия со многими пересадками, задержкой рейса в Хабаровске, я приземлился в аэропорту Елизово. Подлетая к Петропавловску, я не отрывался от иллюминатора. Под нами величественная, сказочная земля Камчатки, с множеством вулканов, остроконечных сопок, сверкающими «нитками» многочисленных речек, полосами туманов в распадках, и снег, снег, снег. Это был март месяц. Впоследствии я написал картину под первым впечатлением увиденного с высоты птичьего полёта, которая экспонировалась на выставках.

В письме Горицков обещал, что он меня встретит, но, выйдя из самолёта, я долго бродил у аэропорта, пока по громкоговорителю не объявили: «Пассажир Назаров! Пройдите к телефону дежурной». Я беру трубку – «Юрий Николаевич! Говорит Горицков. У меня сломалась машина, берите такси, приезжайте в театр». Ну, думаю, начинается «романтика»! У театра меня встречает мечущийся, заискивающий заместитель директора, как бы извиняясь, говорит: «Мы пока Вас поселим в театре, так как в гостинице мест нет, а квартира ещё не освободилась». Что же дальше будет? Какие сюрпризы мне ещё готовят?

Юрий Назаров и Георгий Горицков

Поселили меня в комнате около сцены, с одним окном, с потолком чуть выше моего роста, с бетонным полом. Так началась моя «романтическая» жизнь на Камчатке.

На следующий день у директора собрались главный режиссёр В. Н. Панов, заместитель начальника управления культуры С. М. Мирская, режиссёр А. В. Иноземцев. Мне предложили оформить спектакль «Цыган». Я не отказывался, хотя думал, что первый спектакль буду ставить с главным, а не с очередным режиссёром. С. М. Мирская, В. Н. Панов лестно отзывались о моих декорациях в снимках, расспрашивали, как я их воплощал на сцене и прочее. Вечером я посмотрел спектакль. Это была комедия «Сверчок» польского драматурга. Я был неожиданно восхищён очень хорошей постановкой, прекрасной работой артистов, но декорации мне не понравились своей «провинциальностью», какой-то недоделанностью. Позже был поражён, посмотрев спектакль «Дурочка» Лопе де Вега, и артистами, и оформлением, и постановкой, особенно игрой героини Светланы Семёновой.

После спектакля Горицков пригласил меня в гости. Идём по улице Партизанской, В. Андрианов, В. Панов с женой, актрисой Т. Виноградовой, Г. Горицков, я а сзади дефилирует невзрачная девушка. Думаю: «А эта чего прицепилась?» Они жили в одном доме, в одном подъезде. Заходим в квартиру, Георгий Иванович знакомит меня с «невзрачной» дамой, оказывается, это его жена – Галина Васильевна Астраханкина. «Какой же я хам, так подумал о ней!» А Галина хлопочет на кухне, пока Горицков показывает мне фотоальбом с ролями Астраханкиной, рассказывает, как попал на Камчатку, о строительстве нового театра, ведь он недавно сдан в эксплуатацию, а был деревянный, который снесли. Галина приглашает к столу, накрытому деликатесами Камчатки, которых я не видывал ранее – крабы, красная рыба, жареная, копчёная, в тарелке икра, и всё это под хорошую водочку!

Тем временем началась моя жизнь в железобетонной каме-

ре, в сказочной Камчатке, в новом театре – в одном из самых примечательных зданий в городе того времени. А город, протянувшийся от ЖБФ, заканчивался в районе четвёртого километра, ходили тогда грузотакси – грузовые машины с шашечками и скамейками в кузове, даже без тентов. А на четвёртом километре в низине – поёме речки Кижучовки (была такая!), поросшей лесом, я с Эмилем Аркадьевичем Куни, поэтом, писателем, который стал моим другом, собирали грибы! Город закрытый, маленький, население небольшое, все друг друга знают. Идёшь по улице, не успеваешь здороваться со всеми встречными. Хулиганства никакого. Зрители любят театр, знают всех театралов, уважительно относятся к ним.

Первый мой спектакль прошёл на ура. Меня признали и в театре, и в городе, а до премьеры «Цыгана» я потряс своим оформлением 50-летия пионерии и руководство города, и зрителей. Появились мои первые награды камчатского обкома партии и облисполкома.

В первые же дни пребывания, я облазил окружающие сопки – Никольскую, мыс Сигнальный, Петровскую, забирался и на вершину Мишенки. А первый выезд на рыбалку состоялся в один из первых дней после приезда. Володя Федоренко – завпостчастью, снабдил меня удочками (своих я в то время ещё не приобрёл), и на театральном автобусе мы выехали в Коряки. В автобусе, помимо незнакомых людей, сидел Вася Абакумов – артист, и Володя. На пятом километре остановились у нового дома, из которого вышел В. Космачевский, и шумно ввалился в автобус с большой связкой бамбуковых удилищ. Увидел меня, восклицая: «А это ещё кто?»

Федоренко, Абакумов говорят: «Так это же наш главный художник!»

Космач: «А-а-а! А я думал, с улицы мужика подобрали!»

Мы познакомились, пожали друг другу руки. Так началась наша крепкая дружба, дружба полная неожиданных открытий, взаимопонимания, взаимопомощи, дружба до самой кончины Володи. Рыбалка не удалась, но первое моё знакомство с природой состоялось.

Володя Космачевский познакомил меня с вулканологами,

В. Космачевский и Ю. Назаров

которые стали моими хорошими друзьями по сегодняшний день. Институт тогда размещался в здании около областной больницы, новое здание ещё строилось. Мы постоянно стали собираться на Тельмана 2-б, где жили почти все вулканологи. Это были замечательные люди, поклонники искусства, любители театра, интеллектуальные, образованные, эрудированные по всем вопросам бытия. В. Аверин, О. Б. Волынец, его жена Ж. Г. Пугачёва, Ю. Масуренков, А. Чирков, Б. Иванов, Г. Штейнберг, В. Колосков, Г. Флеров, А. Цюрупа, А. Хренов, Ю. Дубик, О. Селянгин, Г. Пилипенко, Е. Вакин. Ю. Таран, Г. Богоявленская, В. Степанов, Э. Разина, В. Дрознин, Г. Карпов, А. Алискеров и многие другие вулканологи. Они приходили на все премьеры всегда с подарками, лестными словами.

Появлялись у меня всё новые и новые друзья – это люди искусства, культуры, писатели, поэты, художники. Я очень подружился с В. Н. Пановым, талантливейшим режиссёром, замечательным человеком. Мы с ним были единомышленниками в проблемах театра, общественной жизни, культуре. Первым спектаклем, над которым пришлось мне работать с ним, – это «Горе от ума» А. Грибоедова, хотя художник был из Мос-

квы, но воплощать спектакль в жизнь пришлось мне как главному художнику. В. Панов попросил меня придумать суперзанавес к спектаклю, который я сам написал, с помощью декораторов. Он был очень доволен моей работой. По моим эскизам, чертежам были изготовлены и воплощены рекламные плакаты к текущему репертуару, которых ранее не было в театре и городе. Их развешивали по всему городу от ЖБФ до 10 км. В фойе театра появились новые фотографии артистов, сцен из спектаклей.

В театре работало много талантливых артистов из разных городов Союза, но я был потрясён игрой артистки-героини Светланы Семёновой. Помимо её внешних данных, что очень важно для актрисы-героини, она обладала необыкновенным талантом, великолепной дикцией, богатым нутром, красотой. Я наслаждался её игрой в каждом спектакле. А в дальнейшем она играла главные роли в моих спектаклях. Это прежде всего Геля в «Варшавской мелодии» М. Зорина, Строптивая в «Укрощении строптивой» У. Шекспира, Валя в «Иркутской истории» А. Арбузова и, конечно же, Мария в «Марии Стюарт» Ф. Шиллера.

В дальнейшем у нас была ещё одна творческая встреча – работа над спектаклем о М. Горьком и А. Андреевой – «Аве Мария» М. Кузьминой в Горьковском академическом театре, где она была уже народной артисткой России. А ещё она была супругой Володи Космачевского – новоиспеченного моего большого друга на многие годы. Космач (его бытовая кличка) был одним из ведущих артистов театра, а в будущем драматургом, членом Союза писателей России. Пьесы его ставились в камчатском театре и других театрах страны. Первой пьесой, поставленной у нас на Камчатке, был «Берег». Последние годы он жил в Москве. Союз писателей выделил ему квартиру, и я, часто бывая в Москве, останавливался у него. Со многими выдающимися людьми искусства он был знаком и дружил, это были писатели, поэты, артисты, режиссёры. Он познакомил меня со многими из них, а Ира Печерникова и Борис Галкин, Мзия Хетагури, Лариса Фоменко – стали моими друзьями на долгие годы.

Тем временем Камчатка всё больше и больше входила в мою жизнь, впитывалась в мою кровь, которая вместе с ней несла свою красоту в моё сердце, в мой мозг. Я писал много этюдов с натуры, где бы я ни был – на рыбалке, на охоте, в походах с вулканологами, на гастролях по побережью, в путешествиях на моей яхте по бухте – со мной всегда был этюдник или альбомчик, где я писал, рисовал полюбившиеся мне уголки Камчатки. К сожаленью, мало их осталось у меня. Я раздаривал их направо и налево. Был у меня и такой «закон»: всякому гостю, который впервые приходил ко мне в дом, я дарил на память этюд или рисунок. Работая в театре, у меня тогда не было времени писать картины, хотя иногда, в свободные часы, я создавал свои «шедевры», а основательно станковой живописью я занялся позже, когда ушёл на пенсию.

Помню такой случай. Летим самолётом с гастролей из Оссоры. Пролетаем над вулканами Крашенинникова и Кроноцким, я вынимаю этюдник и пишу. Рядом со мной сидит Н. Эренбург и ахает-охает, как лихо я мажу этюд. Он был настолько потрясён моим творением, что по прибытии в город пришёл ко мне и выпросил его у меня! Этюд был очень удачным – я не хотел его отдавать, но он вымолил. Сейчас этюд находится в его московской квартире.

В 1968 году я помогал Генриху Штейнбергу строить камин в его квартире на Тельмана 2-б. Генрих Штейнберг один из ведущих вулканологов страны, в те времена занимался испытанием лунного самохода, который испытывался на вулкане Шивелуч. Он был начальником вулканостанции в Ключах. Испытание необходимо было снабжать топливом, которое по официальным каналам не поставлялось. Тогда Генрих связался с военной частью, расположенной в Ключах, договорился о бензине. Власти нашли это нарушением каких-то законов, и Генрих впал в опалу. Его выгнали из института. Он вынужден был устроиться кочегаром в котельную института, лишь бы не расстаться с ним, и продолжал самостоятельно работать над научными трудами по изучению вулканов и сейсмологии. Позже он стал директором института вулканологии на Сахалине, был признан в научных «верхах», выступал по центральному

телевидению по вопросам сейсмологии и вулканологии. Не так давно он посетил Камчатку, был у меня в гостях. Мы вспоминали наши прожитые годы, мою свадьбу с Наташей, где он был свидетелем. Рассказывал о своих ранних годах жизни в Ленинграде, где он дружил с опальным поэтом, вынужденным эмигрировать в Америку, И. Бродским.

Вспомнили о нашем общем друге Анатолии Дмитриевиче Клещенко – камчатском, ленинградском писателе, которого называли советским Джеком Лондоном. Помню, он принёс Штейну (как называли его друзья) пистолет, который сотворил собственными руками по просьбе Генриха. У Клещенко было разрешение на изготовление огнестрельного оружия. Так что это было официальным, разрешённым видом его деятельности, помимо его писательской работы, это было его хобби. С карабином, тоже его собственного творения, мы с Анатолием Дмитриевичем ходили на охоту, очень толковый был карабин – короткоствольный, лёгкий, удобный в путешествиях.

Клещенко тоже был «опальным» человеком, пострадавшем в советское время за свою писательскую деятельность. Отси-

Мой друг Вулкан

дел одиннадцать лет. Маленький, хиленький, не представляю, как он выжил на лесоповалах, в суровых сибирских лагерях. На Камчатке же он стал жить и трудиться после лагерей. Он был заядлым охотником, рыбаком. Было у него даже охотничье угодье, где он добывал пушнину, сдавая её государству, а в заимке писал свои книги. Он подарил мне одну из них – ленинградского издания – «Трагедия в тайге». Я часто засиживался у него на квартире, где мы бесконечно обсуждали вопросы русской культуры, многострадальной, великой русской культуры, которая и сейчас переживает нелёгкие времена, о его лагерных мучениях, о моих творениях в театре и живописи, о красотах дивной Камчатки, об охотничьих и рыбацких похождениях. Благодаря его рекомендации я стал охотрыбинспектором. А потом, наслушавшись рассказов об охоте на его угодье, я так увлёкся, что чуть было не согласился стать профессиональным охотником, о чём мечтал с детства. Мне предложили егерничать в верхнеавачинском участке. В то время я поскандалил с Жезмером и директором, ушёл из театра, надеясь, что стану охотником-профессионалом. Дал согласие в охотсоюзе принять этот участок егерем. И вот я сижу дома, в углу навалена куча «обмундирования» и всего прочего для зимовки. Заряжаю патроны. У меня было старинное французское ружьё заказной работы, даже его номер говорит о многом – 271. Ружьё требовало конкретную порцию зарядки порохом, дробью, поэтому я не пользовался стандартными патронами, а заряжал металлические гильзы сам. В это время раздаётся длинный междугородний звонок телефона. Снимаю трубку: «С Вами говорит Алма-Ата, директор русского театра. Юрий Николаевич, мы узнали, что вы свободны, а нам срочно требуется главный художник. Мы знаем о вас, как о талантливом художнике от министерства культуры, по журналу “Театр” и по прошлой вашей работе в Карагандинском театре, при вашем согласии мы гарантируем вам квартиру, оплату проезда и прочее, надеемся на ваше согласие». Я ответил: «Как-то неожиданно ваше предложение, я подумаю». Опешив, я не успел отойти от этого звонка, как опять длинные звонки междугородки. Слушаю. Звонит Иркутск, опять почти

те же слова и предложения, что из Алма-Аты. Потом ещё из Хабаровска, Челябинска. И так до утра – бессонная ночь. Думаю, как они узнали, главное все сразу? Это осталось для меня загадкой. Действительно театральный мир тесен! Я в раздумьях. Жена, дочь категорически против моих охотничьих забав. Иду за советом к Клещенко.

– Анатолий Дмитриевич, что же делать?

Он, недолго думая, говорит:

– Юра! Охота от тебя не убежит, а театр – это не хобби, а твоя жизнь, раз уж так распорядилась судьба, раз так заинтересованы театры страны в твоём таланте – надо соглашаться! Дерзай!

Часть четвертая

Рассказы

Моя лайка Вулкан

Работал я главным художником в камчатском театре. И был у нас в труппе театра хороший человек и артист – Владислав Владиславович Болеславский. У него была собака – Вулкан. Очень красивая и умная собака – лайка. Собаководы за вязку отдавали хозяину кобеля – щенка. Так у него и появился мой

будущий Вулкан-второй. Предложил мне его Владислав Владиславович купить за пятьдесят рублей (по курсу 70-х годов). Я охотник, а какой охотник без собаки? Я купил его. Вулкану было тогда около трёх месяцев. У собак была хорошая родословная – чистокровные западносибирские лайки. Мой Вулкан-второй (а это имя я дал ему сразу, не раздумывая, когда приобрёл его) был волчьего окраса. Серый, с белой грудью и с белым кончиком на хвосте – хвост у Вулкана был самый настоящий «бублик». Очень красивый щенок! Долго я учил его выполнять различные команды. Пёсик быстро всё схватывал и беспрекословно выполнял их. Вулкан научился выполнять команды на четырёх языках, на удивление моих друзей и коллег. Выполнял их на русском, английском, казахском и языке жестов. Ходил я с ним и на охоту, и на рыбалку. Брал его в поле с вулканологами. Побывали мы с ним на Узоне, в Долине гейзеров, на Кунашире. Побывал Вулкан даже на вулкане Тятя. В те годы я холостиковал, поэтому много времени мог уделять воспитанию Вулкана. Помимо знания языков – Вулкан был прекрасный охотник. Ходил на медведя, приносил утку, ходил в упряжке, отлично брал любой след, и прочее, что положено этой породе. Жил Вулкан в квартире.

И вот настал день, когда приехала ко мне из Хабаровска жена Наталья. Когда она появилась в доме – Вулкан не очень принял её. Залез под кровать и не вылезал оттуда. А когда Наташа стала стелить постель, вдруг он неожиданно схватил её за ногу. Наташа испугалась. Напугался и я. Стал выгонять его из-под кровати, но он зло огрызался и не хотел выходить. Глаза его налились кровью и светились волчьими «огоньками». Я вынужден был схватить поводок и начал выгонять его – при этом открыл дверь. Неожиданно Вулкан выскочил и побежал на улицу. Я часто выпускал его одного погулять, поэтому подумал, что Вулкан проветрится – успокоится и придёт. Возвращался он обычно на мой свист. Но не этим вечером, ни утром Вулкан не пришёл. Так его не было несколько дней. Я был очень расстроен и напуган, что он потерялся. И сколько ни звал его по имени, свистел, обходил все округи, его не было. Я уходил в театр, звонил с работы Наташе – не

пришёл ли Вулкан. Приходил после работы, снова искал его, кричал, звал, свистел, но его не было.

И вот спустя несколько дней мы с Натальей услышали странные звуки на лестничной клетке. Открываю дверь, а это Вулкан! Лежит около двери и смотрит на нас виноватыми глазами, с какой-то как бы хитринкой. Вдруг он осторожно, как-то неловко, что-то поднимает с полу. Потом, когда я попросил его отдать, в руке у меня оказалось золотое кольцо! Как, чем объяснить эдакий собачий поступок?! Ведь он не просто пришёл, а с извинениями и с кольцом. Где он мог найти его, что заставило принести кольцо домой? Мол: «Простите меня! Я не такой уж и дурак, чтобы не понять вас. Вот, возьмите кольцо, обручайтесь и давайте жить дружно!» Позже Вулкан и Наталья были очень дружны – она выгуливала его, и он слушался.

Пришло время Наташе рожать. И надо было как-то определяться с Вулканом. Нельзя с грудным ребёнком было держать собаку в квартире. Был друг у меня в Кеткино, пастух, мордвин – Виктор Васин. Жил он в частном доме. Я поехал к нему и попросил приютить Вулкана. Он не отказался. Когда я уезжал – Вулкан лёг посреди дороги, положил голову на лапы и долго смотрел мне в след... Если б я знал тогда, что мы прощаемся с ним навсегда. Прошло полгода с того времени. Раздался звонок. Звонила дочка моего друга. Она сообщила, что Вулкан погиб. Я сел на автобус и поехал в Кеткино. Виктор рассказал мне, как всё случилось. Говорит он: «Я свой жена похоронил, как собака, а твой собака – как человек». У них было четверо детей. За ними она не следила. Пьянствовала, водила мужиков, не ухаживала за детьми. Дети бегали полуголые, босые, голодные, сопливые. Вернулся как-то Васин с пастьбы (он пас колхозных телят) и застал её пьянствующую с мужиками. Избил её до полусмерти. Провалялась она несколько дней и умерла. А с Вулканом произошло следующее. Как рассказал Виктор, после моего отъезда Вулкан стал отвоёвывать свою территорию у местных собак. Дрался он здорово! Обладая настоящей лаечьей хваткой, его невозможно было победить даже более крупным собакам. Он хватал своими мощ-

ными челюстями собаку и тут же отскакивал, оставляя на ней рваные раны, или вырывал куски с мясом. Собаки сдавались. А он становился их вожаком. Однажды Вулкан загрыз большую дворнягу соседа Васина до смерти. Сосед пригрозил убить Вулкана, но шло время и Вулкана не трогали. И вот как-то приходит этот мужик с бутылкой водки. Виктор посадил его за стол. На столе лежали красная рыба, икра, огурцы и... нож. Они выпили. Вдруг сосед позвал Вулкана. Вулкан подошёл к столу, виляя своим хвостом-бубликом. Сосед схватил нож и вонзил его Вулкану между лопаток... Виктор похоронил Вулкана под огромным старым тополем, где мы с ним не раз отдыхали. И как рассказывал он, с большими почестями захоронил его. Даже выстрелил несколько раз из ружья. Так не стало моего дорогого, умного, преданного Вулкана-второго.

Я виню себя за «предательство». Забыть Вулкана не могу! А вспоминая и осуждая себя за глупую смерть его, мою душу и тело охватывает какой-то внутренний озноб и побаливает сердце, и часто он приходит ко мне во сне...

Вспоминаю, когда были мы с Вулканом в Казахстане в Алма-Ате. В театр я ходил с ним по цветущим, благоухающим зеленью улицам прекрасного города. Прохожие останавливались, удивлялись его статью, раскосыми глазами и бубликом-хвостом! А местные собаководы, познав про чудо-лайку, уговаривали продать Вулкана для восстановления породности местных лаек, которые потеряли чистокровность. Я видел это «подобие» западносибирских лаек. Казахстанские собаки потеряли не только экстерьер, глаза стали почти круглые, без раскосости, присущей породе, исчез подшёрсток, а главное – у них исчезли отличия от лаек других пород.

А особенно собаководы восхищались его экстерьером и окрасом. Сухой, жилистый, с серым волчьим окрасом, с классическим хвостом-бубликом, который заканчивался белым кончиком. Собаководы уговаривали меня продать Вулкана, всё более увеличивая цену в течение года. Я не согласился до самого отъезда, хотя и был без денег. С Вулканом мы вернулись на Камчатку самолётом с несколькими пересадками. В перелёте Вулкан также восхищал пассажиров своей статью и интел-

лигентностью. Особенно они восторгались, когда Вулкан выполнял мои команды на английском и казахском языках.

Прошли годы. Я приезжаю на могилку моего Вулкана, что в Кеткино, теперь в посёлке Раздольном. Под высоким, вековым тополем подолгу сижу в одиночестве, вспоминая прожитые годы с Вулканом. Думаю, что ещё встретимся там, наверху, и ты посмотришь на меня своими раскосыми, добрыми глазами и что-то проурчишь по-своему, надеюсь, что ты простишь меня за обиды, которые причинял тебе и не смог проводить в последний путь!

2006 год

Рыбалка на камчатского кальмара

Приехал я как-то на Волгу порыбачить на леща. Пришли на водную станцию. Там были отцовы друзья. Взяли у них лодку. Я их отблагодарил бутылкой «Пшеничной». Сидели на лодке, выпивали. Предложил закусить волжанам кальмаром, которого привёз с Камчатки. Открыл банку – предлагаю. Один попробовал – не понравилось, другому тоже. Говорят – мы лучше колбасой. Я не стал выкидывать кальмара, положил в лодку, думаю, а вдруг пригодится. Вышли на большую воду реки Волги. Было огромное скопище рыбаков, кругом чернели лодки. Мы встали на растяжки, на якорях. Стали забрасывать на червя. Клёва не было. Все рыбаки притихли, кто пил чай, кто лёг спать, дожидаясь подхода рыбы. Батя тоже прилёг и уснул.

Я вспомнил про кальмара. Дай, думаю, попробую! Вытащил снасть своей удочки. Было пять поводков. На один я насадил кусочек кальмара. Не успел груз дойти до дна, как поклёвка. Я подсёк и стал тащить, вытащил небольшого леща. Тогда я взял и все пять крючков насадил кальмаром. И снова быстрая поклёвка. Тащу и кричу бате: «Пап! Вставай, бери сачок». Он проснулся и говорит: «Что, клёв пошёл?» «Все рыбаки стали оглядываются и зашевелились, но ни у кого не клевало. Я бате тихо говорю: «Папа, ведь берёт на кальмара!» Он: «Да брось ты дурака валять, кому нужен твой кальмар!?» Он положил лещей в садок и опять прилёг. Я забросил. Снова и снова мощная поклёвка. Кричу: «Давай сак!» Он лихо вскочил. На поводках в воде маячили три леща. Батя по одному их выловил саком. И говорит: «Ну-ка дай мне твоих кальмаров». Насадили все крючки и на его, и на мои удочки. Мы стали таскать одного за другим лещей. Все смотрели на нас с завистью, ничего не понимая, десятки лодок, а клюёт только у нас! Слышатся голоса: «Это же Назаров, старый, колдует!» Мы молча продолжаем ловить на кальмара. К нам стали поближе подплывать рыбаки, которые снимались со своих мест, но лова у них не было. Они ничего не могли поделать, как только

завидовать нам. А отец шутил: «Я их зеркальцем приманиваю!» Смотрю, заблестели зеркалами стоящие на приколах лодки. Было смешно смотреть на них от папиной издёвки-юмора. А мы продолжали таскать – набили полный садок. Пора сматываться, так как норму мы с лихом перебрали. Инспекция спокойно сидела, видя, что никто не ловит, а мы не спеша улепётывали к берегу!

Вот так мы обманули волжскую рыбу непонравившейся закусью волжанам!

Мама засолила небольшую бочку лещей, да ещё нажарила целую сковороду. После батя меня всегда просил присылать с Камчатки кальмара с «усиками».

P.S. Оказалось всё очень просто – лещ любит питаться волжскими рачками, а кальмар напомнил по вкусу рачков, только был более ароматный. А лещ любит ароматы!

1972 год

Первая проба икры

Когда я приехал на Камчатку, мы сдружились с Володей Федоренко. Володя был умелец на все руки в театре. Но была у него одна слабость, он постоянно пребывал в столярке и помогал столярам в работе, а от основной своей обязанности – заведующего постановочной частью – увиливал, или просто она была ему не мила. Мне приходилось мириться с таким положением, и постановочную часть я брал на себя, зато знал, что в столярке всё будет в порядке. Ну а в рыбалке мы с ним были неразлучны. Он меня познакомил в Кеткино с рыбаком и пастухом – Виктором Васиным, с которым мы затем дружили до самой его кончины.

И вот однажды Володя пригласил меня поехать в Кеткино. Это была моя первая поездка по прибытию на Камчатку. Тогда я даже не видывал ещё настоящего лосося. Приехали к Виктору Васину. Я всегда брал с собой этюдник, и, дожидаясь вечера, написал несколько этюдов. А когда стемнело, мы пошли на Авачу. Она была недалеко от дома Васина, но дорога к реке была вся заросшая высоченным шеломайником! Накачали лодку. Это было изобретение Васина. Огромная камера от трактора, обшитая брезентовым конусным чехлом. Сетей капроновых тогда не было. Сети плели сами из суровых ниток. Да и размером-то она была небольшая. А рыба тогда шла валом. Васин заплывал на лодке, а Володя с концом верёвки бежал по берегу. Для меня это было всё впервые, и я только наблюдал и бегал за ними с мешками (я всё недоумевал – зачем так много мешков). И вот Васин гребёт к берегу. Выскакивает из лодки. Они оба вытаскивают сеть. Такого я ещё не видывал! Она битком была забита сверкающей при луне рыбой! Да какой! Каждая рыбина была не менее пяти килограммов, а то и более. Всего один заплыв, а мы уже набили рыбой два мешка по половине, полный поднять было невозможно.

Пошли домой. Васин тащил лодку и сеть, а мы с Володей рыбу. Мне поначалу было неловко тащить этот груз, да ещё я заблудился, вышел вдали от дома к чужим огородам. Пришлось идти лишние метры. До рассвета разделывали рыбу. Часть солили, а икры оказалось полный эмалированный большой таз. Виктор с Володей шинковали икру, а я впервые за всем этим наблюдал. Не знал я и что такое пятиминутка. Я думал, что солить икру надо долго, и мы не будем её пробовать сегодня! А в это время во дворе на зелёной лужайке расстелили скатерть. Рядом горел костёр, где в ведре варилась уха. Взошло солнце. Красотища вокруг несказанная! А за деревьями сверкают белые вершины Коряки и Авачи! Сказка! Особенно после материка. Поставили на скатерть целый таз икры, насыпали мелко резанного репчатого лука, кусками хлеб, зелёный лук и сияющую в лучах солнца бутылочку «Русской» водки. И вот начался пир! Я такой икры не едал ни разу в жизни! Ели икру столовыми ложками! Ну, просто фантастика! Сытно наевшись и икры, и рыбы, и ухи, мы прилегли прямо на траве, смачно поглаживая животики. И весело рассказывали, как заблудился в шеломайнике Назаров. Всё смеялись надо мной и говорили: «Как у тебя, Юрка, медведь рыбу не утащил – он же всё время ходил за тобой!» Я верил и не верил их россказням, но был сыт и весел. Вот такова была моя первая рыбалка кижуча на Аваче! Забыть её нельзя никогда. Домой с Володей мы вернулись с икрой и рыбой.

P. S. Володя Федоренко сейчас в Молдавии, Виктор Васин покоится среди каменных берёз на Кеткинском кладбище, а я лежу в больнице и вспоминаю...

Я частенько сижу на берегу речки, ловлю гольчика, а мимо меня проплывают на шикарных лодках и с японскими тонкими сетями от берега до берега, и хорошо, если запутается три-пять рыбин! И остаётся только вспоминать те счастливые времена, мою первую кижучовую рыбалку с моими милыми друзьями – Володей Федоренко и Виктором Васиным.

2006 год

Наташкин остров

Мы с женой и сыном приехали погостить к моим родителям в Сызрань, на Волгу. Там была моя яхточка «Мева». В переводе с польского – «Чайка». Перевезли её на Волгу, собрали и поплыли на Раков остров с женой Наташей. На этом острове когда-то была пристань. Остров весь зелёный, большие деревья нависали над палаткой. Красота сказочная. Костёр. Широченная Волга. Утром я рано встал, а Наташа спала. Вся Волга плыла арбузами и яблоками. Я выбрал хороший арбуз, собрал ядрёных яблок, они кружили в островной заводи. Прикрепил десяток яблок на ветки, которые нависали над палаткой. Разбудил Наталью. Она удивлялась и говорила: «Ну, ты молодец! Придумал райский сад!» Мы позавтракали и вышли на лодке, на большую воду рыбачить. Поймали хорошего леща, наловили ершей. Варили уху. Вечером двинулись домой. Притормозили около красивого, одинокого островка. Мы были горячие, молодые. Отдохнули на островке. Нарекли его именем моей Наташи. С тех пор местные жители, с нашей лёгкой руки, кличут: «Пойдём на Наташкин остров».

2006 год

Основные даты жизни Ю. Н. Назарова, награды и поощрения

1936, 30 сентября – родился в Казахстане, ст. Казалинск.

1956 – оканчивает школу-студию изобразительных искусств, г. Сызрань, первое участие в выставке городских художников.

1956 – начало работы в театре, г. Сызрань.

1959 – оформил первый спектакль «Барабанщица» А. Салынского в театре им. А. С. Пушкина, г. Орск.

1960–1967 – художник-постановщик в театрах городов Стерлитамаке, Майкопе, Караганде.

1961 – принят во Всесоюзное театральное общество.

1965 – присвоено почётное звание «Лауреат республиканского смотра театров Казахстана».

1965 – награждён почётной грамотой Верховного Совета Казахской ССР.

1967 – главный художник Камчатского областного драматического театра.

1968 – награжден юбилейным знаком ЦК ВЛКСМ.

1970 – награждён медалью «За доблестный труд в ознаменование столетия со дня рождения В. И. Ленина».

1972 – имя Назарова Ю.Н. занесено в театральную энциклопедию СССР.

1973 – награждён дипломом 1-й степени за оформление спектаклей «Прежде, чем пропоёт петух» И. Буковчана и «Василиса Мелентьева» А. Островского во Всесоюзном смотре театров.

1973 – награждён знаком «За отличную работу» Министерства культуры СССР.

1974 – повышение квалификации во всесоюзном институте Министерства культуры СССР.

1975 – главный художник академического русского театра им. М. Ю. Лермонтова, г. Алма-Ата Казахской ССР.

1979 – повышение квалификации во всесоюзном институте Министерства культуры СССР.

1981 – творческий отчёт Камчатского театра в г. Москве.

1982 – награждён почётной грамотой обкома КПСС и облисполкома, г. Петропавловск-Камчатский.

1983 – приказом Министерства культуры СССР отмечен за лучшее оформление спектакля «Ретро» А. Галина в период гастролей в г. Москве.

1983 – присвоено почётное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

1983–1987 – главный художник Горьковского обл. театра, г. Арзамас-16 (г. Саров).

1984 – участие во Всесоюзной выставке художников театра и кино в г. Казани.

1985 – участие во Всесоюзной выставке художников в Манеже, г. Москва.

1986 – юбилейная выставка, посвящённая 50-летию со дня рождения г. Арзамас-16 (Саров).

1989 – принят в Союз художников России.

1991 – участие в выставке художников России в Манеже, г. Москва.

1996 – юбилейная выставка «Ностальгия», г. Петропавловск-Камчатский.

1996 – преподнёс в дар краеведческому музею выставку театральных работ.

1996 – портрет и биография лауреата художественной премии им. Килпалина занесены в галерею «Скрижали Камчатки».

2002 – юбилейная выставка «Театр и живопись», г. Петропавловск-Камчатский.

2002 – награждён почётной грамотой администрации Камчатской области.

2007 – юбилейная выставка «Там, где Назаров, – там Театр», г. Петропавловск-Камчатский.

2010 – персональная выставка «Цветы от Ю. Назарова», г. Петропавловск-Камчатский.

2011 – персональная выставка в краевой библиотеке им. С. П. Крашенинникова, г. Петропавловск-Камчатский.

2012 – юбилейная выставка, посвящённая 75-летию со дня рождения и 55-летию творческой деятельности, г. Петропавловск-Камчатский.

С 1967 по 2012 – постоянный участник городских, областных, зональных выставок художников Камчатки.

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Кравченко. Трудные вершины Юрия Назарова.....5

Часть первая

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Дед Кузьмин – атаман.....16
Дед Назаров.....18
Конь.....20
Мой костёр. Пожар.....21
Крещение.....21
Икона.....23
Я художник – каллиграфист.....25
Я – охотник.....26
Средняя школа. Моя школа жизни.....29
Вторая жизнь художника без глаза.....33
Седьмой класс.....37
Вечный зов.....39
Отец.....40
Отец – охотник.....42
Мы едем на Волгу.....46
Зимовка в скотнике.....49
Художественная школа.....49
Этюд «Иней». Начало творческой жизни.....49
Мухинка.....50
Первые гастроли в Белоруссии.....51
Снова Мухинка.....53
Снова театр.....54
Сызранский театр.....55
Орск. 1959 год.....57
Камчатка.....58
(Можно любить Камчатку, но не любить её нельзя)
Алма-Ата.....68
Камчатка навсегда.....74
Отец умер.....101

Часть вторая

О ТЕАТРЕ

«Художник рисует головой, а не руками»
Леонардо Да Винчи.....104
Всесоюзная выставка художников в Манеже. 1987 год.....109
Судьба профессора Доуэля.....112
(По роману А. Беляева «Голова профессора Доуэля»)
Правда об отчётных гастролях камчатского театра в Москве..117
Праздничные оформления сцены.....124
50 лет комсомола.....130
Noter Dam de Pari.....132
Саров.....138
Отзывы о выставке в г. Арзамасе-16 (Саров).....141

Часть третья

ЛИЧНОСТИ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Борис Владимирович Аргунов.....144
Владимир Леонидович Лейферт.....145
Софья Марковна Юнович.....146
Кладезь камчатской культуры – Евгений Андреевич Егоров..148
Академик Флёров Георгий Николаевич.....149
Гений. (Посвящается Азизу Азизовичу Алискерову).....156
Гоша Поротов. (Памяти Георгия Германовича Поротова)...157
Депутат-врач.....162
Мой друг – Александр Гиль.....163
Высоцкий в моей жизни.....169
Толя Дёма.....175
Витольд Янович Вильчинский.....177
Абрам Израилевич Маграчёв.....181
Валерий Кравченко.....183
Санакоев-живописец.....185
Семён Иванович Бережнюк.....186
Володя Кузнецов – мой машинист сцены.....188
Геннадий Пястолов.....190
Виктор Тришкин.....191
Народный артист О. А. Баглюков.....193
Фёдор Григорьевич Дьяков.....194
Художник В. А. Шохин.....199
Белый шаман.....202

Памяти Феликса Тебиева.....203
Борис Мессерер.....206
Светёлка. *(Памяти Николая Васильевича Санеева)*.....210
Письмо моего друга и ученика Александра Дедуха.....218

Часть четвертая

РАССКАЗЫ

Кукча.....223
Собачий вой.....226
Убить медведя.....228
Медведь-музыкант.....230
Последняя стая.....233
Запретный плод *(памяти сестры Лили)*.....235
Щука.....237
Бобик.....238
Дарья – внучка моя.....240
Моя лайка – Вулкан.....241
Хамка.....245
Косырь.....247
Рыбалка на Усе.....249
Узон. Долина гейзеров.....253
Цыгане.....259
Чеченцы.....264
Рыбалка на камчатского кальмара.....267
Кижуч.....268
Тигр в посёлке.....269
Первая проба икры.....272
Сом.....273
Наташкин остров.....275
Машка – театральная «богиня».....276
Облёт вулканов.....277
Вулканологи.....279
Охота на кабанов.....280
Хлебные крошки.....283
Остров Кунашир.....284
(Памяти моего друга-вулканолога А. М. Чиркова)
Уклейка.....298
Банька по-назаровски.....300
Я заблудился.....301
Динка.....305

Космач.....307
Байка от Космачевского.....316
Русские прибаутки.....316
У Трубицына.....317
Гришка Запороцкий.....322
Карымочка.....325
Медведь-скотник.....328
Таймень.....332
Синицы.....334
Чавыча.....336
Свой человек.....342

Часть пятая

СЛОВО О ХУДОЖНИКЕ

В. Стародубцева. По склонам осенних чудес.....349
Е. Егоров. «Дедушка» Назаров.....352
А. Черкашина. «Белый квадрат» Юрия Назарова.....356
О. Яковлева. Зрелость мастера.....365

Основные даты жизни Ю. Н. Назарова, награды и поощрения.....368
Основные спектакли, оформленные в театрах страны.....370
Список работ Назарова Ю. Н., выставленных на персональной выставке, посвящённой 75-летию со дня рождения.....372